

П.Д. Тищенко

Экология человека и проблема «отходов» социальных технологий

Человек и человечество все в большей степени соизмеряют свое существование с глобальной машинерией техногенной цивилизации¹. Этим оправдано широкое использование термина «социальные технологии». Семантическое сближение политического действия с инженерной практикой, осуществляемое в понятии социальной технологии, позволяет поставить вопрос об **отходах** политической деятельности. Отходах не менее, если не более опасных, чем промышленные отходы. У экологической проблемы существует специфический социально-политический план.

Дом и одомашнивание. В философии и науке существует множество определений понятия «экология человека». В общей смысловой пучок это многообразие определений стягивает значение древнегреческого слова **οἶκος (обиталище, дом, имущество)**. В этом отношении взаимодействие человека с природой, самим собой и себе подобными представляется как процесс включения за счет преобразования дикого в особый человеческий мир – его дом. Процесс одомашнивания (доместикации). Причем «дом» человеческий не дан ему заранее. Одомашнивание – это одновременно домостроительство. Разграничение мира на внутреннее («человеческое») и внешнее ему («природное»). На чужое (дикое) и свое (домашнее). Различение и разграничение, источником которого на заре человеческой истории выступали соперничество внутри семьи, война, охота и собирательство. Собственно говоря, война сама имела всегда два аспекта – охоту на ближнего и «собирательство» (грабёж) его имущества.

Подчеркну: одомашнивая природу и свои отношения с другими, человек одомашнивает себя. Одомашнивая, к примеру, вепря и превращая его в свинью, человек в том же процессе одомашнивает себя как «дикое» существо, превращаясь в цивилизованного свинопаса. Жизнь животного задает пространственные, временные и смысловые параметры коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека. Кормить, поить, выгуливать, поддерживать чистоту, размножать, ухаживать за приплодом, резать, обрабатывать мясо и шкуру, и т. д. и т. п. ...Осуществление всех этих простых действий представляет собой не просто контроль над животными, но и контроль человека над самим собой, над своим поведением. Предполагает формирование из дикого природного материала человека одомашненного, умелого в том двойном смысле, который отмечен выше.

Одомашнивая в процессе внутригруппового соперничества и войны других представителей *homo sapiens*, человек одомашнивал свое животное существо в формах воина, властелина. Современные исследования в области биополитики показывают, насколько глубоко на генетическом уровне укоренено в человеке стремление к доминированию. Не ввязываясь в спор о проблемах происхождения власти и государства, все-таки полезно обратить внимание на редко оспариваемый факт связи власти и насилия. Французский писатель Бертран де Жувенель выражал достаточно распространенную точку зрения, согласно которой «государство возникает, в сущности, благодаря успехам “разбойничьей шайки”, которая ставит себя выше отдельных маленьких сообществ... Эта власть не может ссылаться ни на какую законность. Она не преследует никакой справедливой цели; ее единственная забота – эксплуатировать ради своей пользы завоеванных, покоренных, подвластных»². По всей Европе распространены легенды (типа легенды о Рюрике в России), где возникновение государства связывается с завоеванием власти на трон предводителей разбойничьей шайки.

Но завоевание или иная форма насильственного подчинения – лишь первый, хотя и необходимый шаг в создании элементарной социальной ячейки «повелитель – повелеваемый», в процессе политического «одомашнивания». Охотнику, к примеру, недостаточно поймать дикую лошадь и силой привести ее в свой дом. Нужно еще подчинить себя заботе о ее выживании,

размножении и хорошем физическом состоянии. Жувеналь отмечает, что естественный эгоизм рождающейся власти только в том случае обеспечит ей выживание, если обнаружит в себе еще и необходимость социальной заботы о подданных. Он называет эту установку «социо-лизмом» власти. Поэтому претензия власти на выражение общего блага, которая кажется критикам лицемерной, на самом деле оказывается прямым следствием ее алчности и эгоизма. За столетия эта двувекторность государственной власти окультурируется и наделяется идеологическим сопровождением, необходимым для исторического выживания возникающих и гибнущих государственных образований.

И так же, как одомашнивая диких животных, человек осуществлял отбор, формируя различные породы, в том же самом процессе формировались «породы» человека. Животные, растения и другие люди, которых человек вводил в свой дом, «отбирали» в борьбе за выживание тех индивидов и те формы их социальной жизни, которые обеспечивали расширенное воспроизводство конкретных одомашниваемых представителей дикой природы. До сих пор повсеместно врагов называют «зверьями», подчеркивая их звериную сущность в зверствах, которые возможны лишь для одного известного зверя – самого человека. В процессе политического «одомашнивания» (установления отношений власти и подчинения) формировались определенные типы индивидуальной жизнедеятельности и уклады совместной жизни: властитель, воин, земледelec, скотовод, ремесленник и т. д.

Одомашнивая отношения с другими (например, в формах рода, семьи, племени, государства или общества), человек в этом процессе одомашнивает свое «дикое существо», превращаясь в родственника, соплеменника, подданного, гражданина и т. д., человека общественного, человека политического в широком значении этого слова. Одомашнивание – это исполнение исторического предназначения человека, реализация его сущности, свободы.

В эпоху Нового времени, в рамках которой мы все еще живем, этот процесс выражается в трех мощных тенденциях: научно-техническом прогрессе (покорение природы), политическом прогрессе преобразования общества и государства (формирование своих отношений с другими) и комплексе воспитательных и образовательных технологий, включая самообразование. Эти три тен-

денции неразрывно связаны, поэтому постановка в моей статье в центр внимания лишь второй тенденции отвечает не сути дела, а сопутствующим ее написанию обстоятельствам.

Рис. 1. Огюст Роден.
Рука Господа. Ок. 1898.
Мрамор. Высота 92,9 см.
Музей Родена. Париж.

Суть экологической проблемы.

Скульптура Огюста Родена «Рука Господа» выражает христианскую точку зрения на событие творения человека по образу и подобию Бога. На процесс домостроения. Правда, выражая известную идею, дополняет ее другим смысловым планом. Рука Господа изваяна скульптором по образу и подобию своей руки. Руки мастера. Движение руки подвижно (извините за тавтологию) творческой энергией формообразования. Точнее говоря, высвобождения уже присутствующей в глыбе мрамора идеальной формы от «всего лишнего». От того, что мастер выбрасывает в отходы... Так считал Микеланджело, чьи слова повторил Роден. В свою очередь Родену вторил Маяковский: «Изводишь единого слова ради сотни тонн словесной руды...» На протяжении тысячелетий социальные и культурные по своему происхождению «отходы» одомашнивания природы и самого себя человеком оставались незамеченными.

Суть экологической проблемы заключается в том, что реализация человеческой сущности в различных вариантах одомашнивания начинает обнаруживать в себе растущие угрозы его существованию. Человек покорял природу, в которой видел источник угрозы своему существованию, видя в этом исполнение своего исторического предназначения. Сегодня он все чаще и чаще сталкивается с ситуациями, в которых ему приходится распознавать угрозу именно там, где раньше грезились спасительное.

Научно-технический прогресс, создавая комфортное технологическое тело цивилизации, разрушает природную среду обитания и истощает невозобновляемые природные ресурсы, например, энергетические. Политический прогресс создает свои специфические «отходы» – непредполагаемые и неконтролируемые последствия

вполне эффективных решений и действий. Например, Аль-Каида – это политические «отходы» успешного противоборства США против СССР в Афганистане, созданные американскими спецслужбами, она стала для Америки и других стран одной из серьезнейших угроз. Так же как Хамаз – это «отходы» политики конфронтации Израиля с Организацией Освобождения Палестины Я.Арафата. Последние бунты во Франции и Великобритании, движущей силой которых оказалась растущая из года в год масса (точнее, – толпа) молодых эмигрантов из стран Азии и Африки, которые формируются как отходы социально ориентированного буржуазного общества. Совершенствование воспитательных и образовательных технологий формирует новые беспрецедентные возможности реализации новоевропейски понимаемой сущности человека, его свободы воли. Но именно в последней таится, как будет отмечено ниже, самая мощная угроза не только отдельным людям и сообществам, но и человечеству в целом.

В понимании смысла проблемы формирования «отходов» социальных технологий ограничусь пока осмыслением метафизической конечности человека. Оно призвано урезонить его амбиции, указав на фундаментальные истоки экологических проблем, с которыми ему постоянно приходится сталкиваться.

Действие и экзистенциальная конечность человека

Общим знаменателем всего многообразия практик одомашнивания выступает человеческое действие, которое проявляется в многообразии планов: индивидуальном, групповом, государственном и общественном. Я хочу показать, что в самом человеческом действии заложены некоторые фатальные проблемы, которые потом стереотипно воспроизводятся в любом конкретном действии – неважно, строит ли человек электростанцию или спасает природу, занимается ли совершенствованием государства или возводит финансовую пирамиду, создает ли новый целлюлозно-бумажный комбинат или сохраняет национальный парк. По английской поговорке – «для молотка любая проблема лишь гвоздь». Так и для человека любая проблема – лишь предмет действия, которое в любом раскладе конечно, т. е. это не действие всезнающего, всемогущего

и всеблагого Бога (как сказали бы богословы) или столь же всемогущего Злого демона (его многообразные лики представлены в конспирологических фантазмах, популярных не только у нас, но и в иных странах), а некоего особенного существа, кое-что знающего, могущего тоже не так уж много, а если речь идет об идее блага, то весьма далекого от совершенства. Человек конечен и в добре, и в зле. Причем конечен человек не просто количественно – так, что с прогрессом (ростом знаний, могущества и моральности) эта «конечность» должна была бы уменьшаться, а качественно.

По мере исторического развития прогрессивно растет объем знаний, умений и попыток сделать жизнь лучше и добрее путем совершенствования индивидуальных качеств, политических институтов, моральных норм и многообразия норм законодательных (международных, национальных, региональных, административных, ведомственных и т. д. и т. п.). Но каждое новое знание, научное направление или наука, число которых стремительно множится, увеличивает горизонт непознанного. То, чего не знала наука XIX в. (как она выстраивала горизонт предстоящих перед ней проблем), несравнимо с объемом и сложностью незнания, которые встают перед современным познанием. Если знание – это сила и власть, то незнание указывает на немощь и зависимость человека, неспособность представить мир и любой реальный предмет в его целостности и через это представление включить в свой обитаемый экос (дом).

Поэтому рост могущества оборачивается ростом осознанной и прочувствованной уязвимости, непредсказуемости и неконтролируемости последствий применения человеческих знаний. Анализ генерализации и фундаментализации цивилизационных рисков дан в книге У.Бека «Общество риска (на пути к другому модерну)»³. Степень непредсказуемости и неконтролируемости последствий, а следовательно, и фундаментальность рисков применения самых передовых технологий (ядерных, геномных, нанотехнологий и т. п.) несравнимо выше всего того, с чем сталкивались новые технологии еще первой трети двадцатого века.

По мере развития морально-этической нормативной базы существенно растет объем этических и юридических знаний, а также число «носителей» этих знаний – экспертов в этике и праве. Соответственно возрастает могущество средств государственного

и общественного контроля, что, однако, не приводит к снижению уровня девиантного поведения. Преступные сообщества конца XIX в. – весьма несовершенные подобию криминальных империй конца XX – начала XXI вв., пронизывающих государство и общество снизу доверху. Добро и зло прогрессируют, соревнуясь друг с другом. И совсем не факт, что в этой гонке побеждает добро. Более того, растет понимание, что слишком часто ужесточение законов, принимаемых с пафосом защитниками общественного блага, ни к чему, кроме криминализации и коррупции контролируемой этим законом сферы жизни, не приводит. Зло возникает как неизбежный отход от благих морально-политических намерений.

Человеком движет мощный жизненный порыв творческой эволюции (А.Бергсон), который постоянно создает новые формы отношений с природой, другими и самим собой. Они с необходимостью взламывают существующие структуры отношений, в том числе политические, требуя пересмотра законов, административных регламентов, моральных норм и т. д. Но это естественное и практически каждодневно встречающееся обстоятельство содержит в себе парадокс. Суверен, устанавливающий закон, в акте установления должен встать в позицию вне закона. Ф.Ницше обозначил ее как существование по «ту сторону добра и зла». Как подчеркивал Хайдеггер, позиция мысли «по ту сторону добра и зла» «не означает: вне всякой законности и порядка, но – внутри необходимости нового полагания другого порядка против хаоса»⁴.

Отмечу, что это бытие «внутри необходимости полагания другого порядка против хаоса» относится не только к инстанциям верховной власти, но и к каждому реальному поступку человека, в котором творится нечто новое, ранее не бывшее. «Каждое поступить, – свидетельствует Марина Цветаева, – есть преступить чей-то закон: человеческий, божеский или собственный». И президент Б.Н.Ельцин, устанавливая в 1993 г. танками новый конституционный порядок, и огромное число россиян, в то же время осваивавших и создававших новые отношения в политике, экономике, искусстве, образовании и всех других областях жизни, с неизбежностью вставляли себя внутрь этой опасной области реализации суверенного действия. Естественно, что если оценить акт создания (полагания) нового нормативного порядка с позиций порядка уже установленного, то ничем, кроме как преступлением, он быть не может.

Обращу еще раз внимание на то, что условием возможности преступления закона является законодательный акт, его утверждающий. Он должен быть кем-то изобретен. Богом. Человеком. С собой. В этой перспективе простое криминальное нарушение закона – акт мелкий, жульнический, весьма пошлый. Для творчества нужно поднять планку выше. Встать в позицию суверена, утверждающего «новый порядок против хаоса». Отмечу, что противоположная позиция, желающая консервативно защитить, закрепить именно то, что уже всегда было как наше общее традиционное основание, оказывается в сложном положении. Все, что учреждено человеком (конкретным сообществом, сувереном и т. п.), в момент своего учреждения с необходимостью было нарушением прежде учрежденного. В отношении законов человеческого мира цветаевская формула попросту описывает априорные условия законодательства. Крещение Руси было событием фундаментально инновационным и, естественно, воспринималось как измена вере отцов и праотцов.

«Божеские законы», утверждаемые вместе с творением мира, в подобных априорных условиях не нуждаются. Казалось бы, на них можно положиться в противостоянии скольжению «по ту сторону добра и зла». Хотя и это лишь кажимость. Достаточно попросту воздержаться от самомнения, путающего отсебятину с откровением. А если этой путаницы нет, то все сказанное в Откровении, в «моем» частном слове и понимании выступает как рискованный перевод с языка, на котором уже никто не говорит, сопровождаемый сомнительным истолкованием этого перевода. «Вечные истины» каждой эпохой заново открываются. Изобретаются. Переводятся заново на постоянно становящийся иным язык. Но каждая попытка перевести Откровение на современный язык будет актом преступления в отношении предшествующего. Именно так оценивалась Церковная реформа царя Алексея Михайловича с позиции сторонников традиционной обрядовости и традиционных переводов священных книг (старообрядцев). Каждое поступить означает преступить.

Когда из страха перед новизной, перед «дикостью» в самом себе человек надолго пытается законсервировать статус-кво, то и реальная жизнь уходит из-под нормативных порядков, как ушла из-под ног коммунистов, струсивших совершить поступок – изменить Программу партии в ситуации ее полной неадекватности реальной жизни.

Человек – существо избыточное. И эта избыточность слишком часто узнается им как «дикость» и «неодомашненность». Чтобы защитить себя от дикости в самом себе, человек строит психиатрические больницы и тюрьмы. Своеобразные «зоопарки» дикой, не соответствующей нормативному представлению о себе человеческой природы. Моя бабушка рассказывала, как в начале XX в. в московском зоопарке наряду с вольерами для зверей был выставлен чум, в котором жила семья одной из «диких» сибирских народностей: готовили традиционную пищу, зачинали и нянчили детей, шили одежды из шкур... Совершенно неслучайна синхронность в возникновении экологического движения и движения в пользу реформы пенитенциарной системы и антипсихиатрического движения, она возникает как осознание конечности человека, того обстоятельства, что идеалы истины, блага (морального и правового) и разума, прежде всего научного, сами могут оказаться не основаниями свободы, как полагали люди еще столетие назад, но источниками насилия и порабощения человека.

Основанные на истинах биологии, медицины и гуманитарных наук, дисциплинарные практики контроля жизни (биовласти, по М.Фуко) и надзора за социальным поведением человека (провоохранительная деятельность и ее антипод – правозащитная, система) постоянно умножают число людей, подвергающихся стигматизации в качестве безумных или криминальных элементов и исключению из общественной жизни в психбольницах и тюрьмах. В более широком контексте постоянно идущая в России безуспешная борьба с коррупцией основана на попытке применить нереалистичное, возвышенное представление об общественном благе к реальным социальным практикам принятия решений, распределения ресурсов и т. д. В результате реальная деятельность в политике, экономике, искусстве и т. д. криминализуется в общественном самосознании. И эта опасная своими последствиями криминализация власти является «отходами» завышенного морального самосознания политиков и общества.

Теперь о науке. Если через несколько десятилетий наука бодро отрапортует о создании средств, которые победят естественную смерть, контролируя самые интимные механизмы жизни, то, возможно, именно в этот же момент человечество поставит на кон сам факт своего существования. Ведь в тени практически каждого научного открытия, приносящего пользу человечеству, бурно

множатся разработки средств войны, средств человеческого уничтожения. И это неслучайно, поскольку, начиная с эпохи наполеоновских войн, повсеместно растет роль государства в развитии науки – главным образом для использования научных достижений в военных целях. Символично, что на фронте наиболее престижного французского университета Эколь Нормаль изображены, помимо научных приборов, ружья и пушки, а самая престижная научная премия – Нобелевская – создана на деньги производителя динамита. Сверхэффективный научный контроль процессов жизнедеятельности будет означать создание сверхэффективных видов боевого оружия. Причем скорее всего оружие создадут раньше, чем средства обеспечения безграничного существования человеческих индивидов.

Поэтому, когда, например, сегодня нас убеждают в необходимости развития нанотехнологий, которые, без всякого сомнения, принесут человечеству огромную пользу, нужно быть совершенно уверенным, что военно-промышленный комплекс уже включился в гонку разработок новых нанотехнологических средств уничтожения человеком себе подобных. Но об этом пропагандисты молчат. Это все равно, что лоббировать в конце 40-х гг. прошлого века развитие ядерных технологий, обращая внимание на их возможную пользу в энергетике и медицине, но умалчивая о начавшихся разработках ядерного оружия.

Поэтому возникает вопрос: а доверяем ли мы себе как обществу, государству и тем более «человечеству»? Вряд ли. Гражданское общество находится в лежащем положении как результат вертикализации власти. В отношении государства даже черномырдинская формула: «Хотели как лучше, а получилось как всегда», – верна лишь отчасти. Куда вернее звучало бы: «Трудно сказать, что именно хотели, но получилось, действительно, как всегда». Если главного ваучеризатора страны, оказавшегося неспособным сделать что-либо полезное с реформой энергетики, называют «эффективным менеджером» и назначают руководителем программ по развитию нанотехнологий, то государственная власть дает обществу ясно понять, что, собственно говоря, она понимает под «эффективностью».

О «человечестве» пока можно говорить лишь как о политической условности. Должны ли мы с энтузиазмом ожидать нанотехнологических прорывов, зная, что новое сверхсмертоносное

оружие окажется в руках субъектов, к которым нет доверия? Это все равно, что подарить на день рождения подростку, находящемуся на учете в полиции или психоневрологическом диспансере, красивый, безотказно действующий огнемёт или назначить его охранником в банк.

Симптоматично в этой связи, что именно США (вероятно, как лидер в борьбе с мировым злом) сорвали подписание дополнительных протоколов к договору о запрете биологического оружия, в которых предусматривались механизмы международных инспекций по аналогии с теми, что существуют в отношении распространения ядерных вооружений. На фоне истерии вокруг ядерной программы Ирана эта позиция выглядит более чем странно.

Парадокс экологии человека. Познание множит объем непознаваемого, могущество порождает уязвимость, совершенствование моральных и правовых стандартов допускает (если не провоцирует) стремительно растущее в своей силе и изощренности зло. В этом смысл экзистенциальной конечности человека. Поэтому если мы думаем о его выживании в представимой перспективе, то важно понимать: дело не в том, что мы что-то не открыли, не можем еще делать (вроде добычи термоядерной энергии), и не в том, что какие-то законы еще не приняты, а в школах не преподают светскую этику или закон божий. Этики, священники и другие эксперты в проблемах различения добра и зла – такие же грешные и порочные люди, как и все остальные. Так же, как и врачи не самые здоровые, а у педагогов, включая профессоров, совсем не самые образованные дети. Корни проблем куда глубже. Они в первоначалах того импульса, который вырвал человека из лона природы или райских кущь и бросил на путь стремительного цивилизационного развития...

Примечания

- 1 *Касавин И.Т.* Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIV. № 4. С. 5–15.
- 2 *Жувенель А. де.* Этика перераспределения. М., 1984. С. 134.
- 3 *Бек У.* Общество. Риска (на пути к другому модерну).
- 4 Там же. С. 107.